

О.Н.Шилова, Г.В.Вдовина, Д.В.Шмонин

Позднеантичная ученость и принципы образования в перспективе смены парадигм¹

Образование как универсальный способ воспроизводства и развития культуры, благодаря которому формируются типологические и индивидуальные образы человека, отражает в своих моделях, формах и системах господствующие в обществе мировоззренческие установки, интеллектуальные и технологические достижения. И в этом смысле образование следует за устремлениями эпохи, обеспечивая систематизацию и трансляцию накопленного знания. Иначе говоря, не только, как принято считать, образование формирует цивилизацию, но и цивилизация в известном смысле «ведет за собой» образование, определяя через специфику формирования «социального образовательного заказа», каким ему (образованию) быть [2, с. 277-278].

Мы исходим из того, что «при всем разнообразии подходов к понятию образовательной парадигмы и соответствующему термину, представляется удобным пользоваться этим термином для обозначения *наиболее крупных форм педагогической теории и педагогического опыта, связанных с определенными эпохами социальной истории и соответствующими им мировоззренческими (философско-религиозными) позициями*. По этим основаниям мы выделяем античную парадигму, христианскую (схоластическую) парадигму и новоевропейскую (современную) парадигму. Заметим, что такое линейное описание истории педагогики, оперирующее столь значительными массивами материала и историческими эпохами, предполагает классификации педагогических моделей, систем, типов образования и др. педагогических феноменов по различным основаниям». [3, с. 58]

Под названием античной парадигмы мы объединяем древнегреческие (позднее и древнеримские) образовательные модели, в рамках которых сформировались первые школы, педагогические теории, научные программы. В основании античной педагогики лежали, с одной стороны, философия как любовь к мудрости (в поисках мудрости, то есть знания о мире, человеке и способностях последнего к познанию, складывались первые научные программы), с другой стороны, παιδεία, означавшая, как известно, общую культуру, воспитанность и образованность. Важную роль в античной педагогической практике играл личный пример учителя, требовавший копирования не только умозрения и теоретической программы, но и образа жизни. Это касалось досократических философских школ, методов спартанского воспитания, модели софистического образования, наиболее глубоких с точки

¹ Материал подготовлен в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда № 13-06-00103 «Образовательные парадигмы и исторические формы трансляции знания: актуальность классического опыта».

зрения связи между образованием и наукой традиций Платоновской академии и Лицея Аристотеля, других сократических школ. Важно заметить, что первые греческие образовательные модели во многом лежали в религиозном поле, поскольку религиозность, вера в богов, являлась составной частью античной культуры, была ее «естественным фоном». Римское образование, которое, как показано в науке, стало производным от греческого образования, приобрело – при том же «фоновом режиме» официальной религиозности – более выраженный прагматичный характер, ориентированный на развитие системы воспитания добропорядочных граждан в государственных грамматико-риторических школах. В II-V вв., то есть уже в христианско-эллинистическом мире, парадигма приобретает завершенную форму семи свободных искусств, или наук, *trivium* (лат. троепутье, путь трех) и *quadrivium* (четверопутье, путь четырех), и на этом этапе уже не включает в себя собственно философию, понимаемую в духе Платона или Аристотеля, т.е. как науку о сущем, метафизику.

Сложно оценить переход от античной образовательной парадигмы к парадигме схоластического построения знания без обзора основных принципов образования, которые сформировались в христианском эллинистическом мире в I-V вв. Важно при этом оценить механизм передачи знания средневековому латинскому миру последующих веков. Мы говорим об учебных заведениях, существовавших в империи, и о программах, по которым велось преподавание.

Во-первых, речь идет о грамматико-риторических школах, традиции преподавания в которых уходили к IV-III в. до н.э., к упомянутым выше греческим центрам просвещения. Из множества преподававшихся там дисциплин и разнящихся друг от друга «авторских» программ, Империя, прагматично ориентированная на внедрение общего образования, достаточного для занятия общественных должностей, сформировала систему государственных грамматико-риторических школ при допущении «частного предпринимательства в сфере образования». И в школах, и у частных преподавателей, упор делался на формирование умений письменной и устной (публичной) речи. К последней относились очень трепетно, стремясь к соблюдению жанровых и стилевых правил, различных для судебных, похвальных, надгробных и прочих речей. Изучение риторики проходило на материале речей известных ораторов (фаворитом был Цицерон), грамматику изучали по текстам римских поэтов (особенно популярен был Вергилий), что предполагало и знакомство с самой литературой и порождало желание, а иногда и необходимость, заниматься поэтикой (преподавание поэтики было отдельной темой, выходившей за рамки грамматики и риторики: преподаватели учили составлять оды, элегии, поэмы, дифирамбы и т.п.). Редко (буквально «штучно», у отдельных преподавателей) можно было получить знания по философии или частным дисциплинам, таким как зоология, минералогия, география. Для получения высшего образования, особенно по философии, следовало ехать в Афины, где продолжала (до 529 г.) учить Академия, перипатетические, стоические и другие учебные заведения.

Грамматико-риторические школы, как мы знаем, окончили каппадокийцы Василий Великий и Григорий Назианзин (завершившие образование в Афинах), западные отцы Иларий Пиктавийский, Амвросий Медиоланский, некоторые из

упоминавшихся нами позднеантичных христианских мыслителей (как, например, Марий Викторин) были учителями грамматики и риторики, причем чаще они преподавали риторику, поскольку последняя ценилась и оплачивалась выше. Ее, напомним, и изучал и преподавал Августин, который после крещения сурово осуждал себя за увлечение Вергилием и риторической формой речи [1, кн. 1, гл. 13].

Во-вторых, уже во II в. в городах возникает другой тип школ, о которых также мы вели речь выше: огласительные училища или школы для катехуменов. Наиболее известные училища были в Александрии и в Антиохии, но фактически в каждой епархии, в каждом приходе процесс катехизации (то есть «кадидатского стажа» оглашенных) представлял собой учебно-воспитательный процесс, а чтение катехизисов и беседы с готовящимися вступить в Церковь вынужденно приобретали все более системный характер. Уже Климент Александрийский столкнулся с низким образовательным уровнем катехуменов и, помимо написания «Протрептика» и «Педагога», идет в руководимом им огласительном училище на введение светских наук – грамматики и риторики, поскольку обращение к богословию без знания наук светских, госпожой которых является мудрость (философия), невозможно. Так развивается традиция уважительного отношения к античной учености, которая находит значительное число противников среди раннехристианских мыслителей, стремящихся к вере «в обход» знания.

Следует сказать, однако, что и огласительные училища, и грамматико-риторические школы, сосуществующие в различных городах и частях империи и взаимно влияющие друг на друга, к IV-V вв. постепенно видоизменяются, теряя свои особенности и отчасти утрачивая значимость. В грамматико-риторических школах, несмотря на их светский характер, среди учителей преобладают христиане (запрещение императора Юлиана христианам преподавать во всех типах светских школ действовало недолго), училища для катехуменов теряют актуальность из-за все более массовой христианизации населения и активно распространявшегося обычая крестить во младенчестве. Ко времени распада Западной империи забота государства о школе ослабевает из-за ослабления, а затем и фактического исчезновения самого римского государства. Как отмечают историки образования, в VI в. практически отсутствуют какие-либо эдикты, рескрипты, постановления, направленные на поддержку образования. Нет на этот счет ничего и в декретах и буллах римских пап. Среди немногих исключений – решение местно собора в г. Везоне (529) о том, чтобы все священники вели у себя дома занятия по латинской грамматике и основам богословия, чтобы подготовить себе смену. В то же время остготская военная знать упрекала дочь Теодориха Великого Амальсунду за то, что своего сына она учит «книжным наукам» вместо того, чтобы отдать его в обучение военному делу.

Сохранение традиций образования и учености, их адаптация к новым условиям, превратилось в сложную задачу. Решению именно этой задачи способствовали такие мыслители как Марциан Капелла, Кассиодор, Исидор Севильский и Беда Достопочтенный, благодаря которым система преподавания приобрела завершённую форму семи наук (искусств), которые аллегорически понимались иногда как «семь столпов дома Премудрости» (Притч 9:1). Эта

«великолепная семерка» включала в себя дисциплины тривия - грамматику, риторику, диалектику и дисциплины квадрия - арифметику, музыку, геометрию и астрономию [4].

Литература

1. Августин. Исповедь. Книга I. Глава 13.
2. Шилова О.Н. Непрерывное образование как социальный факт [Текст]: моногр. / сост. Н.А. Лобанов, Е.Куля, М. Пэнковска; под науч. Ред. Н.А. Лобанова, В.Н. Скворцова. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. – 540 с. – [Гл.: Взаимодействие формального и неформального дополнительного образования педагогических работников: особенности и эффекты]. – С. 275-293.
3. Шмонин Д.В. Религиозное образование и образовательные парадигмы //Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Том 14. Вып. 2. С. 47-64.
4. Corbeill, Anthony. Education in the Roman Republic: Creating Traditions // Education in Greek and Roman antiquity / ed. by Yun Lee Too. - Leiden ; Boston ; Koln : Brill, 2001. P. 261-288